

Автор: методист ЦБ г. Волгодонска

Т.В. Курносова

Контактная информация ЦБ:

т/ф (86 392) 2-16-65

Алтухова Ирина Юрьевна

vdonlib@mail.ru

У меня этот год весьма урожайный: не успел весной избавиться от обвинения в плагиате, еще не отгремели румбы этой сплетни, а на носу уже другая...

Из письма М. Шолохова 1929 года.

Творчество Михаила Шолохова с его первых публикаций привлекло внимание читателей и критики.

У каждого писателя своя судьба, своя особая примета таланта. Конечно, лишь это не дает о нем полного, тем более, исчерпывающего представления, однако высекает ту грань, которая всему остальному, что входит в мир его творчества, придает целостность, некое единство и характерность.

Шолохов — мужественный человек.

Мужество — в двадцать лет захватиться на эпопею, не отступить и создать ее, несмотря ни на какие происки его собратьев по перу и всевозможных «друзей».

Мужество — закончить «Тихий Дон» так, как он его закончил.

Мужество — отношения со Сталиным.

Во времена повальных репрессии страдающие люди обращались за помощью к крупным деятелям науки, культуры, искусства. «Что мы можем сделать? — разводили те руками. — Мы не в силах ничем помочь...». Так отвечали многие из них и позже признавались в этом в своих мемуарах.

А Шолохов?.. Он пишет Сталину потрясающее письмо о беде начала тридцатых годов. «Черные крылья голода распростерты над Тихим Доном»... И это письмо — тому, по чьей вине был организован страшный голод 1933-го!..

Шолохов добивается у Сталина помощи голодающему району хлебобродной Донщины и тем самым спасает от смерти тысячи людей.

Через Сталина Шолохов в середине тридцатых вызволяет из ежовских застенков живыми руководителей Вёшенского района, которые тогда были ни за что ни про что арестованы, как тысячи других.

В 1937-м расправа нависла и над Шолоховым. Было состряпано «дело». Честные люди предупредили писателя об аресте. Он тайно и спешно бежит из Вешек в Москву, к Самому. Тот долго не принимает его. Встреча с Фадеевым. Просьба к нему как члену ЦК вступить. Фадеев трусит, отказывается что-либо предпринимать. Шолохов не выдерживает и крепко выпивает. И вот тут-то — как специально, а может быть, именно специально! — Михаилу Александровичу сообщают, что его вызывает Сам. Что делать?.. Голову под кран. Приезжает в Кремль. Предстал перед Самим. Сталин сверлит его жгучими своими глазами, прохаживаясь по кабинету, спрашивает:

— Пьёте, товарищ Шёлохов?

— От такой жизни запьешь, товарищ Сталин, — не медля ответил Михаил Александрович.

Мало кто еще так отвечал Иосифу Виссарионовичу, под взглядом которого леденели спины даже у выдавших виды маршалов.

Лев Славин из книги «Портреты и записки»:

«Волнуют подробности дружбы Шолохова с Платоновым. В трудное для Платонова время, когда его после войны почти не печатали, Михаил Александрович нашел способ помочь другу. Он «пробил» издание сборника собранных и обработанных Платоновым русских сказок, поставив на нем свое имя. Я видел сборник в библиотеке Литературного института. На титульном листе большими буквами напечатано: «Под редакцией М. А. Шолохова». Имя Шолохова сделало доброе дело. Андреи Платонович получил какие-то средства для существования.

Когда безо всяких оснований был репрессирован несовершеннолетний сын Андрея Платонова, Шолохов ринулся на выручку и дошел до Сталина. Сын Платонова был освобожден».

За одно это можно простить Шолохову грехи его.

Невольно задаешь себе вопрос: почему Сталин так благоволил вёшенцу.

Во-первых, Сталин знал, что Шолохов сразу после выхода двух книг «Тихого Дона» приобрел мировую славу.

Во-вторых, из-под пера Шолохова вышла первая книга романа «Поднятая целина». В романе во главе угла стоит статья Сталина «Головокружение от успехов». Шолохов пел осанну Сталину в своих статьях и выступлениях. Из уст писателя с мировым именем это не могло не льстить «вождю народов».

Но вождь ждал большего. И от Шолохова, и несколько ранее — от Горького. Почему бы этим писателям мирового авторитета не создать книги непосредственно о нем, о товарище Сталине?

С Горьким было особое обстоятельство. Дело в том, что еще в 1918 году в «Несвоевременных мыслях» Алексей Максимович дал Сталину уничтожающую характеристику. «Он, — писал Горький, — прежде всего обижен на себя за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли... Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его... Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов. Люди для него — материал, тем более удобный, чем меньше он одухотворен».

Вряд ли Сталин не знал этого убийственного мнения о себе, и теперь, став полновластным диктатором в стране, ждал...

Возникло напряженнейшее противостояние: с одной стороны Сталин, с другой — Горький, Шолохов...

Сталин далеко не всегда был терпелив, и для Горького, отделяющегося упоминаниями Сталина в статьях, но медлившего (он же знал, с кем имеет дело, он же помнил о своих словах) с написанием хотя бы очерка о Сталине, близкого к очерку о В. И. Ленине, это кончилось трагически...

А что делает Шолохов? Он, с помощью Горького, получив согласие Сталина на публикацию третьей книги «Тихого Дона», откладывает работу над второй книгой, «Поднятой целины» и заканчивает «Тихий Дон» с его потрясающим финалом. Отдавая в печать последнюю часть эпопеи, Шолохов, кажется, Лежневу

написал: "...конец сделал свой, никого не послушал, только бы напечатали, а там пусть хоть четвертуют"...

Напечатали. Великое дело завершено. Критика и впрямь принялась четвертовать романиста!..

Но поздно! Гениальный художник во имя добра победил гения злодейства. При этом сумел еще и помочь своим честным друзьям, а от многих отвести позорную — с клеймом «враг народа» — смерть.

Михаилу Шолохову было тогда всего лишь тридцать пять лет. Будь угодно диктатору послать его на эшафот, Шолохов взмолился бы на него с сознанием, что — «исполнен труд, завещанный от бога».

Вскоре началась война. После наших больших неудач, когда близился перелом в войне, стало все чаще раздаваться в газетах и по радио, в кино и в театре " «За Родину! За Сталина!» А Шолохов публикует главы романа «Они сражались за Родину»... Уже после войны, говорят, Сталин дважды читал рукопись первой книги шолоховского романа о войне и дважды остался недовольным: главными героями книги были люди, сражавшиеся за Родину. Его в романе не было.

Как известно, не было его и не могло быть в «Тихом Доне». Но Сталина против воли писателя вводят в роман руками Кирилла Потапова. Вводят, правда, не в действие, а в общую характеристику положения на фронтах. В 1953 году под редакцией К. Потапова выйдет это «исправленное» издание «Тихого Дона». Позже Шолохов выбросит из романа потаповские дописки-исправления, но это позже.

А тогда... Неизвестно, чем бы все кончилось для Шолохова, проживи Сталин дольше. Тем более что Шолохов, как свидетельствуют близко знавшие его, то и дело показывал свою строптивость...

Естественно, атмосфера, в которой жил и работал Михаил Шолохов, не могла не сказаться на некоторых поступках его, высказываниях, а главное — на здоровье. Но когда особо ретивые его критики твердят, что послевоенные годы писателя — это годы бесплодия, хотелось бы посмотреть на них, на этих критиков, окажись они на месте Шолохова. Впрочем, на его месте они никогда не будут. Ибо это место великого таланта, мужественной честности и правды.

О «Поднятой целине».

Роман написан в поддержку коллективизации. Но это не роман-агитка. Шолохов не был бы Шолоховым, если б он делал всего лишь агитку. В картинах жизни крестьянства в период «великого перелома» он стремился — и это ему удалось! — оставаться максимально правдивым. Редакторы мешали этому стремлению, они кромсали рукопись безжалостно, с непреложным желанием видеть в романе все в прямолинейно-победном свете, с ощущением боязни за свои служебные кресла. Парадоксально, но первый цензор Шолохова — Сталин — «отстоял» в романе линию деда Щукаря, сцену избияния Давыдова бабами и т. п. Сталин, видя в романе поддержку своего главного направления, согласился на допуск правды. Шолохов в полной по тому времени мере воспользовался этим.

И все же, все же... Есть сложные судьбы людей. Есть сложные судьбы книг. Судьба «Поднятой целины» — одна из них.

Первый вариант второй книги ее сгорел в 1942 году, когда немецкой бомбой был разгромлен дом писателя в Вёшенской. Завершать роман пришлось почти через тридцать лет после опубликования начала. Можно только посочувствовать писателю. Ушло время. Ушли молодые силы. Но Шолохов хочет добиться в романе о коллективизации той исторической глубины, которая делает бессмертным «Тихий Дон». Верность жизненным обстоятельствам выручает во многом его как художника. Перечитайте сцены раскулачивания Титка, расправы Нагульнова с казаками, сцены раздумий Якова Лукича — это еще из первой книги. Они звучат сегодня по-новому. А все сильное во второй книге, скажем, эпизод умерщвления Яковом Лукичом своей матери, неожиданные повороты в рассуждениях деда Щукаря... Разве перед нами не встает трагическое Время? Разве не виден там автор «Тихого Дона»?.. Чувствуется, что многое мучительное недосказывает Михаил Александрович, что он уже не в силах это мучительное досказать... «Сбой» (другого выхода не было тогда) сделан в самом начале, и, думается, писатель щемящее понимал это.

Один близкий к Шолохову человек рассказывал, как он однажды спросил у Михаила Александровича:

— Что же это у тебя, Миша, все гибнут в конце романа?

Шолохов помолчал, крепко затягиваясь беломориной, и выдохнул:

— Да их же все равно всех перебили бы лет через пять...

В публикациях последних лет появилось много материалов о проблеме авторства «Тихого Дона». Разговоры об этом шли еще при жизни М.А. Шолохова.

Одну из историй рассказывали очевидцы этого случая.

Дело якобы было в Ростове. В то далекое время, когда возникла сплетня о плагиате.

В каком-то большом зале собралось много народу, убеленные сединами литературные и ученые мужи устроили суд над «Тихим Доном». Выходили один за другим на трибуну и доказывали, что роман написал не Шолохов. И что вообще в романе — вот-де Лев Толстой, вот списано у Горького, вот у Тургенева...

Рядом с очевидцем, в глубине зала, сидел молодой парень в вязаном свитере, лобастый, невысокого роста. Он то и дело выходил курить и даже надоел соседям хождением своим туда-сюда.

А в зале бушевали страсти. И вдруг кому-то пришла в голову здравая мысль — послушать, наконец, Шолохова.

И каково же было удивление очевидца!.. Сидящий с ним рядом парень поднялся, выбрался на сцену, обвел всех молча взглядом и в совершеннейшей тишине сказал одну лишь фразу — ту, единственную, которую он мог сказать:

- «Тихий Дон» написал я.

И вышел из зала.

С чьей-то недоброй руки к сплетне о плагиате вернулись снова.

Каковы «доказательства» его?

Автор был-де слишком молод, чтоб написать такой зрелый роман. Тут хочется кричать: а Пушкин? а Лермонтов? а Гоголь?..

Так то — гениальные художники, возразят мне. Правильно, отвечу. И Шолохов — гениальный художник.

Говорят, у Шолохова не было необходимого литературного опыта, чтоб вписать «Тихий Дон».

Но гений на то и гений, чтобы сделать невероятное с точки зрения обычного литератора. Гоголь до своей неудачной поэмы «Ганц Кюхельгартен» совсем, кажется, не имел опыта прозаика и сразу создал «Вечера на хуторе близ Диканьки» — шедевр по художественным достоинствам. У Лермонтова тоже был весьма небольшой опыт прозаика перед романом «Герой нашего времени». У Шолохова же до романа «Тихий Дон» была написана большая прекрасная книга «Донских рассказов».

Кстати, если хоть чуть-чуть разбираться в литературе и не быть озлобленным на Шолохова до слепоты, то нельзя не увидеть, что автор «Донских рассказов» и автор «Тихого Дона» — один человек. Это видно по языку, по характерам сцен из жизни вздыбленной революцией страны, по приемам письма, по манере, по интонации. Только в романе, конечно, все это свободнее, шире, трагичнее. «Донские рассказы» — как бы заготовки, наброски будущей эпопеи.

Говорят, у Шолохова не было-де полного образования.

А у Горького было? А у Бунина? А у Тараса Шевченко?.. Шолохов по природе своей смальства тянулся к книге, получил начальную грамоту, учился в гимназиях. А тогдашние школа и гимназия кое-что давали!.. Мой отец окончил церковно-приходскую школу, а русскую поэзию знал лучше иных выпускников современных вузов.

Наконец, утверждают, что Шолохов не мог написать роман «Тихий Дон», так как у него-де не было должного жизненного опыта.

Извините. Что знал про жизнь Михаил Шолохов — видно уже из «Донских рассказов». Ко времени начала работы над «Тихим Доном» Михаил Шолохов прожил насыщенную крутыми событиями жизнь — жизнь человека, оказавшегося в центре одного из самых кровавых участков революции и гражданской войны. Продкомиссара Шолохова однажды «за превышение власти» свои, красные, не расстреляли только потому, что он был несовершеннолетним. Потому же не повесили его и махновцы, когда он попался к ним... Не будучи предубежденным, легко представить, какие зарубки оставались от всего пережитого на сердце юноши, в котором уже поднимал голову талантливый художник.

Надо сказать, Шолохову очень повезло в том, что, готовясь к работе над «Тихим Доном» и уже работая над ним, особенно над его третьей книгой, он имел возможность штудировать правдивые воспоминания участников революции и гражданской войны на Дону, изданные у нас; к тому времени еще не были уничтожены многие их авторы, не были изъяты книги и брошюры, объективно освещающие исторические события. Не случайно, когда Сталин, встретившись с Шолоховым у Горького по поводу длительной задержки публикации третьей книги эпопеи, спросил, откуда у писателя сведения о перегибах Советской власти на Дону. Шолохов сходу назвал с десятков наших изданий, в которых рассказывалось об осуществлении политики «расказачивания», о жестокости и насилии при этом, толкнувших казаков на восстание и продливших гражданскую войну.

Нашлись мужественные люди, которые, рискуя головой, снабжали Шолохова и увидевшими свет за границей мемуарами бывших царских военных высшего ранга, руководителей контрреволюционного движения в России.

Естественно, вдумчивое изучение всех этих книг ширило и углубляло жизненный опыт писателя, способствовало созданию достоверных картин и германской войны, и революций, и действий революционных и контрреволюционных сил в гражданской войне.

Есть документ, который дает возможность увидеть зрелость Шолохова как писателя и человека. Это письмо М. Горькому от 6 июня 1931 года в связи с задержкой публикации третьей книги «Тихого Дона», в основе которой — вёшенское восстание.

В 1931 году Шолохову — 26 лет. И нельзя не удивляться, как точен он в оценке исторических событий, в которых тогда еще не разобрались историки.

Он убедительно доказывает свою правоту перед «ортодоксальными» «вождями» РАППа, а они обвиняли Шолохова — ни много ни мало — в оправдывании контрреволюционных выступлений.

Шолохов пишет Горькому «о восстании»:

1. Возникло оно в результате перегибов по отношению к казаку-середняку.
2. Этим обстоятельством воспользовались эмиссары Деникина, работавшие в Верхне-Донском округе и превратившие разновременные повстанческие вспышки в поголовное восстание».

Политика расказачивания, «проводимая некоторыми представителями Советской власти», сопровождалась массовыми бессудными расстрелами. При этом «мощная экономическая верхушка станицы: купцы, попы, мельники, — писал Шолохов, — отделялись денежной контрибуцией, а под пулю шли казаки зачастую из низов социальной прослойки».

«Не сгущая красок, я нарисовал суровую действительность, предшествовавшую восстанию... Но я же должен был, Алексей Максимович, показать отрицательную сторону политики расказачивания и ущемления казаков-середняков, так как, не давши этого, нельзя вскрыть причины восстания...»

Вот этого-то и не хотели пускать в свет «вожди» РАППа и те, кто проводил политику расказачивания, поголовно уничтожая целые казачьи хутора Донщины и Кубани. И не это ли один из поводов самых крайних нападков на писателя и измышлений, вплоть до сплетни о плагиате?..

Двадцатишестилетний художник глубоко понимал и чувствовал крестьянскую судьбу в революции. «Думается, Алексей Максимович, что вопрос об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодня история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибам 1919 г., подтверждают это».

Вот вам Шолохов 1931 года!.. Незрелые мысли малоопытного молодого человека? Или это тоже плагиат?..

Читая Шолохова, мы возвращаемся к этим его тревожным раздумьям и в трудном нашем сегодняшнем дне.

Список использованной литературы:

1. Осипов В. Эмоции и факты. [Многолетнее ниспровержение М. Шолохова - есть ли основания]. // Молот. – 2000/ - 25 февр. - С. 4. - 3 марта - С. 4.
2. Федь Н. Парадокс гения. [Из книги "Жизнь и сочинения М. Шолохова]. // Молодая гвардия. - 1995. - №3. - С. 245 - 262.
3. Федь Н. М.А. Шолохов: штрихи к биографии. // Литература в школе. - 1994. - №4. - С. 25 - 28.
4. Шевченко М. Были и небылицы. [Из записных книжек 1949-1990гг.] // Слово. – 1990. - №5. – С. 49 – 53.
5. Васильев В. Ненависть. [Заговор против русского гения. Обзор литературной полемики вокруг имени и творчества М.А. Шолохова]. // Молодая гвардия. – 1991. - №11, №12.
6. Огнев А. История одной инсинуации. [Присвоил ли М.Шолохов чужой литературный труд, он ли создал «Тихий Дон»?] //Наш современник. – 1995. - №5. – С. 184 – 187.
7. Осипов В. Шолохов и Сталин. Свидетельства, документы, факты. // Дон. - 1995. - №2-3. - С. 8 - 170.